

законов исправляются злонравия, добродетели любимы бывают и злочинства избываются». Это возвышение науки, в то время как воспитательное, облагораживающее значение религии если не отрицалось им, то обходилось молчанием, составляет отличительную черту книги Д. Кантемира. «Наука душу растит» — в этом ее главная заслуга. В то же время он понимал несовершенство человеческих знаний, недостаточность чувств для познания мира и требовал постоянного критического вмешательства разума во все общепринятые, узаконенные древностью и авторитетами понятия и догмы. Таково было его отношение к чудесам, мощам, толкованию снов, астрологии: «Из многих лжей может быть случится, да нечто истинное предрекут оные прорицатели». С теми же требованиями разумных доказательств подошел он к исследованию магометанской религии, и она не смогла выдержать этой критики. Автор с самого начала заявил, что хотя «всякое учение, противное евангельскому, ложно есть», он не будет пользоваться этим аргументом, который силен только для христианина, а будет доказывать так, чтобы с ним мог согласиться всякий разумный человек. Некоторые доводы его очень интересны. Показывая, что считать освященную воду в самом деле святой может только «некто безрассудный», он приводит довольно верное объяснение ее чистоты. Пытается он дать научное объяснение и происхождению радуги, неудачно отстаивая в то же время христианскую версию: «Дугу из наших святых писаний украдше, не метеоров дело, но поистине божий лук быти веруют». Высмеивая чужие суеверия, автор, едва ли сознательно, вызывает читателей на сравнение: «О ангелах зело чудесная и утешного смеха достойная вымышляет Мухаммеданская феология». Пожалуй, самым опасным местом является то, где автор желает быть объективным и невольно подчеркивает свойства христианского бога, которые ставили в тупик многих просветителей, не признававших полностью безрелигиозного построения морали: «Некоторые Курана показывают ложна быти за сне, яко Мухаммед, вместо чудес, меч обнажил, и хищение, и грабление, и убивство нехотящим веровати узаконил, каковых дел бог отвращаетя. Но подобная обрящутся и у Моисея». Приведя несколько примеров нелепости Корана с точки зрения разума и научного знания, Д. Кантемир передает разговор со своим константинопольским учителем Исаадом по этому поводу. Если названный ученый, «в науках физических, математических, а наипаче астрономических зело искусный», полностью признает двойственность истины, что было необходимой уступкой и очень хорошим выходом для спасения науки от религии, то позиция Д. Кантемира ближе к признанию одной только научной истины, что отразилось в его вопросе Исааду: «Како можешь верити, яко пророк ваш луну на полы преломил, яко ангелы на солнце снег мещут, да горячесть его укротят, и кры-